

Елена ФУРМАНОВА родилась в городе Житомире на Украине, там же окончила муз. училище и пединститут (русский язык и литература). Печаталась в газетах Киева, Житомира, Днепропетровска, Одессы, Липецка, в журнале «В заграничье». По семейным обстоятельствам подала на выезд и после 12 лет отказа переехала в США. В настоящее время живет в городке Десерт Хат Спрингс на юге Калифорнии.

АМЕРИКАНСКИЕ ГОРКИ

Повезло-не повезло —

Ша!

Лодка Жизни —

Это Вам не ЛО-

ШАДЬ!!!

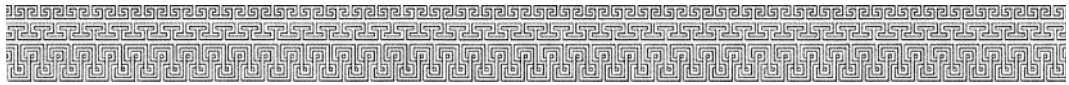
Часть 1. Верхом на мачте

...Я сижу на мачте корабля, так высоко, что не видно ночного штормящего моря. Качает порядочно, кружится голова и слабеют руки, но остатками разума, еще связанного с гулкой реальностью, понимаю, что не сорвусь с мачты... Хотя... Море зверски разозлилось, бешено шипит до густой белой пены изо рта, плюётся высоченными плевками волн, упорно пытаюсь добраться до разноцветных эскимо домов, особенно до этого, из черного шоколада, — и слизать начисто...

...Интересно, где я?

В крошечной тьме 48-го этажа чикагского небоскреба, словно в мавзолее из черного гранита, в новой, заваленной нераспакованными ящиками, квартире, за которую уже нечем платить: мы с мужем одновременно потеряли

работы сразу же после покупки... Наше семейное благосостояние кончилось в один день: моя работа секретарши в мебельно-гробовой компании, в далеком районе Чикагщины, сыграла в ящик, когда я вместо красного дивана послала в Атланту гроб из красного дерева, перепутав штат Джорджия (GA) со штатом Калифорния (CA)... Еще хорошо, что не в Грузию (Georgia) послала — компании бы это обошлось дороже! А у мужа на работе случилось горе от ума: шеф торжественно внес в отдел программу на нежно любимом Борькой языке программирования Ассемблер, которой муж долгие годы преподавал в Союзе. Гордый шеф ехидно попросил мужа найти в программе ошибку. Борька восторженно взял красный фломастер и почеркал бумажку более чем в 50-ти местах, а на прощание высказался: «Кроме программных ошибок, есть еще и структурные. И какой дурак писал эту программу?» «Это я», — покраснев, честно ответил шеф и... сократил Борьку. Что тут скажешь? Видно, у нас семейное тяготение к красному цвету... Условный, так сказать, рефлекс...

...Зловеще завывает ледяной чикагский ветер и, цепко ухватив верхние этажи, раскачивает дом...

Раньше эта вибрирующая парусность черной башни, стремительно вонзавшейся в радостно распахнутое лоно неба, нравилась мне! Хорошо стоять у окна-иллюминатора во всю стену! В синем сиянии — как на капитанском мостике! А внизу, под тобой, призывный гул самолетов береговой охраны с копной солнечных зайчиков на вымытых небом крыльях, парящий восторг чаек, яхты с ослепительно свежими, накрахмаленными звонким ветром белыми, розовыми, и даже неистребимо алыми парусами; ликующе спелая синь необъятного чудо-озера Мичиган с озорными колечками волн, заботливо укрытая голубым пуховым платком горизонта... Вечерами всегда праздничные, кружащиеся в легком вальсе далекие огни набережной и призывно близкие, сладкие звезды, маня, разглаживали душу; и так приятно было засыпать под это легкое укачивание!..

...Сейчас в районе озера авария. В черном провале окна — ни глотка света, только голодный волчий вой ветра... Для полноты ощущений — лифт отключен, полиция перекрыла лестницы во избежание грабежей, сердечных приступов и мало ли чего (еще судиться потом будут с владельцами!), отопление не работает... Муж ночует у друзей, ему до меня не добраться.

...Я влезаю с головой в одеяло. Ни телевизора, ни книги, ни свечи, даже есть нечего: непривычно молчащий холодильник пуст, а электроплита не пашет. Дом качается еще сильнее, до тошноты... Ветер подбирается все ближе, сви-

репо щелкая челюстями, явно собираясь поужинать мною. Страх сковывает горло... «Господи, спаси», — шепчу истово, стуча зубами от холода...

...В ушах непривычно громко звонят колокола...

...Ах, это телефон... Я зажигаю спичку, чтоб не наткнуться на ящики, и спешу к трубке, спотыкаясь и волоча за собой одеяло...

Полный ликования голос Толика из Израиля, поэта и друга:

«Ленка! Это ты!» — огненной вспышкой разрезает клейкий холод квартиры...

«Толик, милый, как ты вовремя!» — ору так, что башня содрогается. Ответный восторг поэта в трубке близок ко вселенскому: «Леночка, ты мне сейчас очень нужна, только ты... Никто больше!.. На всей планете... Целый день думаю о тебе, торчу у телефона... Слава богу, дозвонился!!!»

Поэзия юности вновь бурлит во мне!

...От счастья,

я

исступленно

дрожу,

дрожь

передается

всему

этажу...

А Толик виртуозно поясняет:

«Сижу не в Европе — в немыслимой жжж...! Пойми, у меня нет ни копейки! Срочно нужны деньги на покупку квартиры! Знаю, ты поможешь! Только ты, ты одна на всем свете!!! Если не куплю, любимая женщина меня бросит... Ей просто некуда уйти от мужа! Учти, как честный человек, сразу признаюсь: отдавать будет нечем! Все карманы дырявые...»

...Мое невероятное счастье в потрясенной душе сменяется тихой грустью... Но... Нельзя обижать поэтов! Они — как дети! Даже в легендарной ситуации: «Подержи, пожалуйста, кобылицу!»¹ я, конечно же, не могу ответить отказом! Однако... Сейчас наилучшее время для срочного выигрыша в лотерею, других источников богатства нет... Объяснить другу, что прозябаю без работы,

---

¹ Анекдот номер 2137. Содержание анекдотов — в конце книги, но можно уже начинать смеяться...

купаюсь в долгах, да еще и в гулкой дрожи темноты, до ужаса голодная, просто невежливо. Кроме того, сумма, в которой срочно нуждается Толик, настолько нереальна, что смешно было бы торговаться!

«Я постараюсь, — осторожно отвечаю. — А нет ли у тебя, Толик, еще какой-нибудь просьбы?»

«Да, — радостно изрекает поэт, — найди мою двоюродную сестру, она рядом с тобой, в Америке, адреса я не знаю, где-то в Колорадо...» Это меня откровенно радует, по сравнению с первой просьбой вторая звучит музыкой в ушах. Если же сыграть в подкидного... Становится весело, ведь появилась интересная работа!

...У меня еще две коробки спичек! Немыслимое богатство! Обнаружив после легкого перезвона телефон Колорадской справочной и обзвонив с десятков Фельдманов, разыскиваю Свету. С дьявольской нежностью переадресовываю жгучую просьбу... Замешательство на другом конце трубки приводит меня в состояние щенячьего восторга! С трудом сдерживая радостное повизгивание, я добиваю-таки бедную Светку доверительно-трагическим полупшепотом: «И деньги нужны ему срочно, ты же знаешь Толика!» О да, Света хорошо знает горячечный почерк брата! Сумма приводит девушку в ужас. Как и у меня, у нее появляется непреодолимая потребность чем-то помочь, ну не настолько, конечно, но хоть самую малость...

«Вам случайно работа не нужна? — вежливо спрашивает Света. — У нас в Колорадо-Спрингс в МСИ-е срочно нужны программисты». «Да, Колорадо-Спрингс! — ору я. — Конечно! Мы приедем!!!»

Конец 1-й части

Часть 2. Каскадерша

На следующий день блокада была снята, зажужжали лифты и холодильники, закипевший суп радостно булькал на плите, призывно пахло котлетами с чесноком и жареной картошкой (какая уж там диета после такого поста!), загулявший муж вернулся в лоно семьи от друзей, радушно спаивавших его накануне, и тихо пил рассол. Света не подвела: из ее компании сразу же

позвонили. Боря легко прошел интервью, как обычно, не торгуясь, согласился на все условия, даже без оплаченного переезда, и мы стали собираться в Колорадо.

Хорошо, что не распаковались, и запаковываться было не нужно!

Мужу мгновенно прислали контракт для работы программистом в МСІ-е — телефонной компании, с маленькой припиской: «Не знаете ли вы человека, желающего поработать у нас в Колорадо в emergency департаменте? Нужен очень хороший, знающий специалист по срочному тестированию и выявлению глубоких системных проблем, клиент уже больше 10 контрактов уволил. Если найдете, 3 тысячи бонус», — и список необходимых знаний, умений, языков программирования, опыта работы...

Я заинтересовалась:

«Десять уволили? Это с такими-то знаниями? Почему бы не выгнать одиннадцатого? Или одиннадцатую? ...А три тысячи нам бы так пригодились! На переезд...»

Пересчитала со вздохом все деньги и мелочь, найденную в сумочке, — 27 долларов 49 центов... И жуткие долги на кредитках... Очень захотелось быть уволенной... Много переживают, а я бы не обиделась! Ну ни капли!..

Вспомнились стихи любимого поэта, певца нашей доблестной эмиграции Наума Сагаловского из книги «Песня певца за сценой»:

*Никто не спрашивает здесь ни паспортов, ни метрик,
Начальство смотрит в резюме. Берешь бумаги лист,
Электрик нужен — хорошо, пиши, что ты электрик,
А если нужен программист — пиши, что программист.*

Умный человек, плохого не посоветует, так умеет выжимать смех сквозь слезы! Аж до слез захотелось, не шутя, принять, как партийное руководство, к действию!

Мои размышления прервал звонок нашей давней знакомой Лары, программистки из Чикаго, тоже работающей в Колорадо-Спрингс по контракту:

«Ну что вы там прохлаждаетесь! Боре работать надо! Так скучно тут без вас... Лена, ты тоже приезжай с Борей! Немедленно!»

«Да вот, думаю!» — и я процитировала ей стихи...

«Какая чудная идея! Автор — гений! И не думай, ты справишься! Тут такие идиоты работают... Сейчас я сварю тебе вкусное резюме, пальчики оближешь! И не смей спорить со мной!»

...Тот, кто когда-либо встречал Лару, понимал мгновенно: с ней не поспоришь... Вся как стальной клинок... Работает лихо... Мужчин сражает бесповоротно... Ее бесшабашная уверенность в своих силах решила дело. Стремительная Лара мгновенно факсанула мне чье-то блестящее резюме со звездным стажем, строго предупредив: «Не забудь изменить фамилию на свою!»

Поразмыслив, я пошла в библиотеку, нашла всевозможные пособия по тестированию и честно дополнила матрицу — вписала все, что было нужно придирчивому клиенту, с легкими дополнениями — ну и пусть увольняет! Только сразу!

...Отправила факсом...

И — три рабочих референса, как положено! Номера телефонов надежных друзей... Интересно, как четко ведется в компаниях проверка трудовой истории, не чета нам! Три друга-пенсионера с плохим английским, но с отличным чувством юмора, вечером честно отчитали перед агентами по телефону мои несравненные рабочие референсы, убивающие наповал. (Я сочиняла их со всем вдохновением своего голодного желудка!)

И опять зазвонил телефон.

Голос агента в трубке клокотал от восторга:

«Вы идеально подходите! Ну совершенно! Впервые в моей практике! Ваши уникальные знания, коммуникабельность, умение немедленно решить любую сложную проблему на 100 % удовлетворяют требования клиента... Менеджер на МСИ-е очень доволен! Мы все так ждем вас!!!

...Забыл сказать: завтра в 9.00 у Вас интервью с тремя менеджерами: четыре языка программирования и JCL».

...Это меня несколько озадачило. Ушат холодной воды на голову. По методике Иванова... Зверски полезно... Ну зачем интервью? Ребята! Вы же меня все равно выгоните!.. Однако время дорого...

...Выучить несколько иностранных языков за день для меня было непростой задачей. Все равно, с какого начинать: на компьютере я уже умела быстро печатать, кончила трехмесячные курсы машинисток в Нью-Йорке, так что необходимая подготовка была...

Муж попытался было объяснить мне основы JCL-а с Коболом — и отступил в отчаянии, пораженный моей воистину непроходимой тупостью...

...К утру было найдено соломоново решение: работать на два аппарата с блокнотами. Запасаясь бумагой и пишущими устройствами, я куснула шоколад, надела надежные очки с линзами и приняла бойцовскую позицию у

телефона. Честный программист Борька, до сих пор сдававший только свои интервью, с дрожью в руках и тихим ужасом в глазах занял ближайший свободный телефон...

Последние минуты перед стартом...

...Вдруг стало как-то нехорошо...

...Свинцовая гиря тоски поползла неумолимой тяжестью, погружаясь в зыбучие пески души, и, нестерпимо давя, застряла где-то в печени...

Болотный, замшелый ужас глубокой тошнотой зашевелился во мне и стал ознобом подниматься по нарастающей, подступая все ближе к горлу...

Чую,

Сейчас

Хоть

Кого —

На!

...Офонарела,

И грушу...

Черный

Глазок

Телефо-

на,

Холод,

Закапанный

В душу...

...Дикость какая... Идиотка! С музыкальным образованием! У меня же нет ни одного шанса!

...Не в силах совладать с собой, я придавила подлый телефон подушкой...

«Отложим! — Или скажу, что ты передумала», — бурно обрадовался Борька, утомленный предательским неверием в торжество нашего правого дела.

Мненье,

Плюс мненье —

Начало

Сомненья...

...Поздно! Чешуйчатая змея телефона зашипела и зашевелилась под подушкой...

Вот оно...

Назад дороги не было...

...Каскад трех интервью сейчас обрушится на меня...

А я, значит, каскадерша?

Эх, двум смертям не бывать!!!

...Я отшвырнула трепыхающуюся подушку...

Волны вдохновения заплескались в озябшей душе чуткими крыльями... И... вот оно, хмельное чувство полета!..

...Два технических интервью отщелкала, как семечки. На каждый новый вопрос отвечала с упоением, нежно и протяжно: «Большое спасибо! О, это чрезвычайно глубокая постановка проблемы», — давая Боре время на литературное творчество. «Сейчас вместе разберемся!», — добавляла я, и это-таки было чистой правдой.

Борька трудился, не покладая рук, строчка за строчкой... Строчил, как пулеметчик...

Я, вращая линзами, медленно и выразительно читала вслух очередной ответ, трепетно растущий на его огороде, то бишь, в блокноте... Почерк у мужа был отчетливый, и я тихо ликовала...

Крупный пот лил градом, но это уже были издержки производства!

И для вечно недосыгаемого похудения полезно...

Третье интервью — заключительное, персональное...

...Звонил мой будущий непосредственный шеф. Начал он с воистину царским радушием: «Я счастлив, что вы решили у нас поработать! Мы все вас так ждем! Столько проектов! Проблем! Постоянные авралы! Кстати, один маленький вопрос, девятая строка резюме, нашли? Там написано: 10 лет стажа работы с необходимым нам языком программирования, а он всего 5 лет на маркете...»

...Это ж надо так глупо залететь! Ладно... Будем выкарабкиваться...

«О, это совсем не трудный вопрос! — заверила я его уверенно, мучительно ища ответ и грозя кулаком побледневшему бандиту Борьке, пропустившему подобный казус. — Но вы же сами понимаете, это запрещенная, высоко секретная информация. Скажу вам как своему будущему шефу, — я глубоко

вдохнула, закашлялась, отвечать надо было срочно, он уже что-то заподозрил, — и выдохнула с непоколебимой уверенностью: — Это все КГБ! Они 10 лет назад похитили перспективный язык в стадии разработки, без перевода, с документацией на английском, и потребовали, чтоб мы срочно освоили его во всех деталях; так что опыт работы у меня, сами понимаете, скажу без лишней скромности, иной, чем у других! Разве за каких-то пять лет можно вкусить прелесть работы на этом чуде техники?»

«Верите ли? — вдохновенно продолжала я, — каждый раз подхожу к нему с дрожью, как впервые, до того он глубоко волнует меня!!!»

«Дда, конечно, я вас понимаю! — продолжал шеф в состоянии легкого потрясения. — Расскажите о ваших увлечениях, хобби...»

И вот тут я не замедлила с ответом:

«Играю на рояле классику: Бетховена, Чайковского, Шопена... Если поставите рояль в отделе, могу исполнять ежедневно перед работой!» (Я бы ему и вместо работы сыграла!)

«Как интересно, — задумался шеф. — А нет ли у вас каких-нибудь недостатков?»

«Конечно, есть, — заверила я его радостно. — Даже не сомневайтесь! Я работоголик! Так и хочется работать, работать и работать! Как завещал... наш первый учитель! Ночи напролет сижу за системой, все тестирую да программирую! Моя семья считает это крупным недостатком. А еще, — выдохнула со страстью, — обожаю печь русские пирожки, устраивать застолья и угощать всех сотрудников, чрезвычайно вкусно готовлю! А от этого можно поправиться, такая вот беда! Это оччень крупная проблема!» (Конфиденциальную информацию о вечно жующем, сочно упитанном гурмане-шефе на редкость вовремя профаксала неутомимая Лара...)

«Какие же главные достоинства вашего характера?» — спросил озадаченный шеф!

«О, даже не знаю, — уже безмятежно резвилась я, — лучше почитайте референсы моих коллег и супервайзеров, я так скромна, что мне трудно перечислять свои достоинства, но муж говорит, что я оччень красива и похожа на Софи Лорен, правда, я так не считаю. (Фотография Софи в кубике шефа — тоже информация от Лары, а мое сходство с ней проверить можно, лишь взяв меня на работу!) А еще, муж не считает это достоинством, но я согласна на любую разумную зарплату и никогда не беру отпусков!...»

«Буду счастлив видеть вас!.. В ближайшее время!» — и мы сердечно распрощались, каждый — с чувством бездонной уверенности: поймана обалденная удача!..

...Как выяснилось в дальнейшем, судьба всегда непредсказуема...

Часть 3. Легкие трудности в работе

Офер с подтверждением о Борькином бонусе пришел утром, и я подписала, не читая, чего мелочиться! Запечатала оплаченный ответный конверт...

Все, я теперь главный программист в семье, с намного большей зарплатой, чем у мужа! А Наума с Аллой нужно срочно вести в ресторан — за плодотворную идею! Да и Софи Лорен спасибо! Что ни говори, но общение с гениями и облагораживает, и обогащает!

Я, победно сверкая глазами, вошла вслед за мужем в Колорадский Офис своей контрактной компании. Мы добрались до Колорадо на соплях с чемоданчиком, но я твердо знала, что Борька должен получить за меня хорррошенький бонус, как за редкого специалиста! Заткну все дыры!

...Только тихо напевала про себя на мотив известной песни:

Ой, с работы попру-ут,

Ох, уволят меня-я!

И никто-о не узнает,

Где Горилка моя!

Только дру-уги почуют,

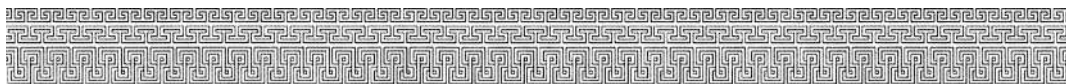
Вечный зов бутыля!

Ха...

Нас с Борькой нежно поздравили, подарили две чашки с золоченым вензелем компании, Борьке — маленькую (для Борькиной коллекции чашек, он их честно получал на каждой новой работе, потом, правда, либо контракт кончался, либо Борьку сокращали, но золотые зубы чашек победно сверкали на полке в очередной квартире), а мне, видно, по должности, дали большую, как спортивный кубок. Теперь и мой золоченый трофей займет свое почетное место в семье!

Приняв горячие поздравления, ущипленный мной Борька робко спросил о бонусе.

Аферюги, читайте офера!

...Восторженный ответ компании поверг меня в тихую зеленую грусть.

И где же наши денежки?

Ой, что я подписала!

Мне Бонус полагается,

Коль месяц отпашу!!!

Ужель на грешну голову

Хлопот недоставало?

...Гляжу,

Как будто с вечера

Курила анашу...

Бонус после месяца работы...

Умненький-преразумненький Буратино в стране дураков закопал свои денежки под диким двойным давлением, а я сама себя закопала... Все свои силы грохнула на эту авантюру! И даже не прочитала офер! Воистину, ни один дурак не додумается до такой глупости!

...Итак, заняв по праву первое место в стране дураков, я начала готовиться — завтра мой первый рабочий день, и Борька не поможет — он далеко, в другом корпусе. Ему бы самому справиться!

Пойду печь русские пирожки, которые я обещала шефу, хотя на месяц меня не хватит...

Ладно, мне бы только, как Мальчишу-Кибальчишу, день простоять да ночь продержаться, должность обязывает: Senior Quality Assurance Analyst in Emergency Department — даже перевести не могу! ...Лишь бы тесто не перевести — и пирожки я никогда не пекла!

Часть 4. День первый

Часовая телефонная консультация с друзьями — признанными асами русской кухни — помогла: пирожки вышли на славу!

Осторожно надев благородный свежкупленный костюм с неоторванным ценником (завтра его придется менять в магазине на новый, если продержусь, не покупать же дорогой костюм перед увольнением!), получив на входе пропуск и расправив крылья, я уверенно взлетела по лестнице на второй этаж, в свой рабочий кабинет.

...Меня ждал подарок: на двери призывно красовалось мое имя, выгравированное на дощечке с крутыми вензелями, на столе — красные розы, компьютер уже подключили, все ждали вождя спеца, но не как манну небесную, лица разные, от выжидающе-вежливых до ехидных. Только нарядный, пахнущий дивными духами шеф в итальянском галстуке, резко выделявшийся на фоне джинсово-неформальной одежды отдела, слегка вздрогнул от моей явно не софилореновской морды и фигуры; но мой муж так меня видит, кто бросит в него камень?

Все, вступаю на зыбучие пески программирования. Борька, как включить компьютер, приеммммм! Нету Борьки... На митинге...

Я вытаскиваю из пакета бомбу дня — укутанную полотенцами кастрюлю с теплыми пирожками. С картошкой и жареным луком. По русскому обычаю... Вступаю в семью.

Лица слегка разгладились, жуют радостно... Мой дикий акцент решено понимать, дежурное объяснение: «Я пишу программы без акцента!» — принимается на веру.

Шеф, получивший отдельную тарелку с верхом, пирожков десять, уже доволен. Мое различие с Софи Лорен уже не кажется ему таким большим... «Завтра будут еще пирожки с мясной начинкой, второй день по русскому обычаю тоже празднуется», — сообщаю. Кажется, до завтра не выгонят.

Один — худенький такой — жует уже третий пирожок, лицо просветленное... Прошу его включить мой комп, пока я буду занята неотложным делом —

мыть посуду и подогревать в микроволновке следующую партию... Радостно соглашается... Объясняет входы в систему, даже записывает в тетрадке. Шумно восторгаюсь его гениальностью и четкостью в работе. Ставлю к нему на стол пять горячих пирожков в тарелке. Один-ноль в мою пользу. Однако хороший русский обычай месяц продолжаться не может...

Мне несут стопку книг и документов для прочтения.

Осторожно открываю первый документ. Все ясно, можно дальше не читать. Со жгучей заинтересованностью перелистываю, что-то записывая, подчеркиваю фломастером... Восторг глубокого понимания зарубцевался на лице восковой улыбкой, снимать нельзя.

День первый подходит в конце тигровым закатом Колорадского солнца.

...Надо еще поменять костюм и сотворить волшебные пирожки — Сезам, открывающий день второй...

Часть 5. День второй

Колорадское солнце, как кошка, потягиваясь лучами, уже расстегивало голубизну рассвета, а работяга-ветер вытряхивал подушки облаков. Я твердой походкой вошла в свой кабинет на отбывку месячного срока... Явилась подобрешшим глазам отдела в новом, только с манекена, бордовом костюме с ослепительно белым воротничком над царапающим спину магазинным ярлычком... Стремительность утра звенела во мне натянутой струной. Защитная кастрюля с укутанными полотенцем румяными пирожками — плодами бессонной ночи — сияла солнечными зайчиками, крепко зажатая в руках, как баскетбольный мяч перед броском. Радостные улыбки проголодавшейся группы подбодрили меня. Боб, вчерашний просветленный гений, уже ждал меня с аккуратными конспектами. Как приятно работать в таком дружном коллективе! Вот с таким же аппетитом они потом съедят меня, поджарят на общем костре и слопают... Ладно, мы еще поборемся! Натянув на морду лица вчерашний восторг понимания, я попросила свою непосредственную руководительницу проекта — угрюмую Джин, похожую на стареющую ябе-

ду-отличницу, — поменять уже прочитанную мною стопку книг. Удивленно подняв брови, она пошла за следующей вязанкой дров для моего будущего костра. Это она, аппетитно хрустя, сжевала моих многочисленных предшественников... Понятно. Мымра, незаменимая в работе, ненавидящая недалекий мужской род. И хищный женский впридачу... Непроходимая ситуация, безвыигрышная партия: знающие соперники ей не нужны, если я умная — сожрет сразу, если тупая — мгновенно. И пирожки не ела — худеет, предпочитает человечину. С неё и начну...

Подошел сияюще-сытый начальник отдела — Грег, поблагодарил за пирожки. По-моему, он поверил, что мы с Софи Лорен слегка похожи, вот если бы я еще и выпивку смогла принести в отдел! И кто бы нас различил? Но здесь — не Раша! Я растекаюсь в горячей благодарности к милой Джин, эталоне доброты, за неоценимую помощь в глубинном понимании материала — только взгляните, сколько книг она со мной уже проработала!. Грег поражен: это наверняка первый хороший отзыв об ехидне за годы! И горд: он сделал правильный выбор! Сияя, подходит к мымре... Интрига закручена... Продолжаю читать с искренним интересом... Сегодня тоже не выгонят... К вечеру диалектика победного боя была запатентована в домашнем бюро изобретений. Как и всякая диалектика, она была основана на единстве и борьбе противоположностей.

Часть 6. Цепочка поколений

Чтобы рассказать, что было дальше, я должна хотя бы вкратце поведать вам, друзья, необычную историю своего рождения...

Мой отец — подкидыш. Когда-то в бедную семью, живущую на краю румынской деревни, постучалась цыганка с тремя детьми и попросила воды для больного малыша. В семье нечего было украсть, но вода была. Добрая женщина-вдова, мать двух девочек, напоила их водой, накормила... Завывал ветер, началась злая метель. Ребенок весь горел... Он плакал так жалобно... И задыхался от кашля...

Хозяйка предложила им остаться до утра. Утром, проснувшись, она увидела, что цыганка с двумя детьми исчезла, оставив на столе толстую золотую цепочку, а больной малыш тихо спит, посасывая грязную тряпку вместо соски. «Я всегда хотела мальчика, — подумала она, — если бог дал мне ребенка, я его оставлю...» Цепочку долго не продавала, берегла... Потом все-таки пришлось — дети голодали...

Роза выходила малыша как сына. Он и внешне был похож на свою приемную мать — наверное, отцом ребенка был не цыган... Роза назвала ребенка в честь умершего мужа — Марком. Мальчик вырос в красивого высокого парня и поехал в город на заработки...

И все бы хорошо, да пришли фашисты... Союзников — румынских евреев — они не потрошили, но Роза с дочерьми уехала к родственникам на свадьбу в соседнюю Молдавскую деревню. Там фрицы ее и нашли... И убили вместе с девочками...

Марк пошел на войну добровольцем, чтобы отомстить за смерть матери и сестер, как только русские добрались до Молдавии. Все солдаты жалели одинокого парня, не говорящего по-русски.

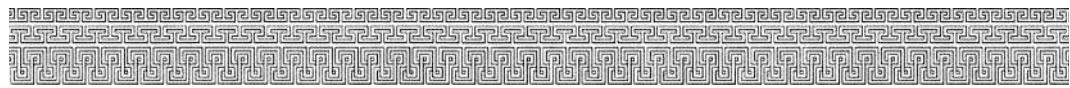
Он был удачлив. Уходил на боевую операцию. Дрался бешено! Всегда побеждал. И всегда возвращался. Пуля его не брала. Снаряды не падали рядом, как будто кто-то отводил от него беду. Многие старались держаться недалеко от него — и выживали...

Командир показал ему среди домашних фотографий карточку жены с красавицей-подругой. Марк влюбился сразу, сказал: «Она — моя судьба...» И стал так же бешено, как дрался, учить русский язык. Каждый вечер после боя он писал матери письма по-русски на две страницы, мелким почерком. Всю войну... С фронта...

Кончилась война. Отец приехал жениться на Украину, в Житомир. Я не могу осудить моих дедушку и бабушку за то, что они приняли парня в штаны: после 37-го года любой иностранец, да еще плохо говорящий по-русски, был опаснее врага... Они приказали матери проводить друга на поезд — пусть уезжает туда, откуда приехал! Плачущая мать не посмела послушаться: поехала с ним на вокзал... Она не хотела терять хорошего парня, с которым переписывалась всю войну, но опасность посадить всю семью в концлагерь за связь с иностранным шпионом была велика...

Поезд тронулся... Отец вдруг почувствовал в себе цыгана, спрыгнул, рванулся к матери и... увел ее, как породистую лошадь.

Он снова вскочил на подножку уходящего поезда, схватив в охапку свою любимую и умчался вместе с ней переписывать неудачный черновик жизни на солнечный роман с неожиданными поворотами сюжета...

Через год, вместе со мной в проекте, родители вернулись домой, и уже никто ничего не сказал, ни дедушка, ни бабушка...

**Когда
меня
рожали,
они
не возражали...**

Так что я — дитя любви, дикий плод, соцветие двух южных народов.

...Чтоб не отстать от жены — учительницы русского, — полуграмотный сельский мальчик выучил больше десяти языков, окончил МГУ заочно, преподавал английский, немецкий французский, был переводчиком с древних языков... И никакого акцента... Ни на одном языке...

...Папа умер еще в Житомире. Я заснула у него в палате после бессонной ночи, а он не разрешил меня будить, ушел на операцию, как на фронте.

И не вернулся... Через несколько лет умерла мама — не смогла жить без него...

О той бедной цыганке, которая в жгучую метель оставила больного малыша в доброй семье, я ничего не знаю. Цепочка поколений потеряна... Но если во мне есть ее кровь...

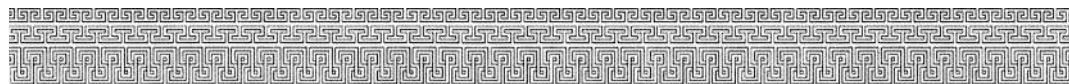
Часть 7. День третий

Я задержалась после работы и стала освежать свои знания по печатанию. Выбрала красивый шрифт для названия, вставила картинку — утенок, разбивающий компьютер молотком. Вот и все, что я могу. Надо идти менять костюм в магазин и готовиться к трудовой жизни.

Следующий, третий день, слава богу, пятница, если продержусь, будет уже 5 дней к понедельнику. Уже не было сил на бессонную ночь (проклятые пирожки!). Я купила шикарный торт, пальцем вывела по крему: «Emergency Test Plan» и залила надпись шоколадом.

Отдел с восторгом принял очередной русский обычай. Грегу, улетающему третий кусок, я напомнила: «На интервью я обещала, что мой первый тест-план сдам быстро, и он понравится всем. Подтвердите, что я держу слово!» Он, смеясь, подтвердил. Я словила неодобрительный взгляд врага сладкого, печеного и веселого — Джин и поделилась с Грегом тихо, но так, чтоб слышали другие: «Удивительная женщина. Какое благородное лицо! Скоро она выйдет замуж за прекрасного человека!» Грег опешил: «Я ничего не знаю. Это точно?» «Она тоже не знает, — успокоила я его, — просто это у нее на роду написано, а я умею читать судьбу. Это случится месяца через три-четыре», — и я быстро испарилась на своё рабочее место, спиной чутко ловя внезапную оглушительную тишину... До конца рабочего дня у меня по одному перебивали все. Кроме Джин. Каждому я честно объясняла, что у меня только четверть цыганской крови, бабушка по отцу была цыганка, возможно, и дедушка по отцу тоже цыган, но этого я точно не знаю, гарантировать не могу, и поэтому видеть судьбу качественно я могу исключительно солнечным утром, и лишь для одного человека в день, а сегодня я уже случайно посмотрела, не буду говорить кому (и так все знали!). Джин, конечно, передали, она пока ошеломленно переваривала информацию, не глядя в мою сторону. Подождем. Только Боб подошел не за этим, просто принес кусок плана, сделал часть моей работы. Он уже привык, что мне некогда, то подогреваю пирожки, то режу торт. Какой умница! Он даже попытался мне объяснить... Я восторженно назвала его гением, посмотрела на план... Не зря муж считает меня тупицей в программировании... Ну, вот и рабочий день кончился! Как я устала! Пойду домой спать...

И не буду менять костюм. В конце концов, за три дня мне заплатят... Я его честно заработала.

Часть 8. Свет вечности

Понедельник... Как я и обещала отделу, пришла на полчаса раньше — не могу же я гадать в рабочее время! Я только намекнула, и грамотные програм-

мисты сами договорились, сделали расписание на полтора месяца вперед. Ха, а ведь теперь они и не допустят, чтоб меня выгнали до конца месяца!

Я приготовилась к литературным экспромтам, составила приблизительный план творческой работы, первоначально наметив, что всем буду говорить, чтоб продержаться: «Ой, какая интересная линия! Вас ждет большая удача... Через месяц погадаю еще, приходите обязательно, что-то важное может случиться...»

Но все изменилось. Неожиданно. При первом же сеансе...

...Я вдруг ощутила, что не могу блефовать, как наметила. Вселенная внезапно и гулко открылась передо мной мерцающими огнями тревожных глаз... Никогда я так не смотрела в души людские и не знала, что могу... Каждая душа была бесконечна, в ней светились и переливались, как волны в солнечную погоду, прошлые и будущие воплощения, реальные и возможные жизни, и все эти многослойные души, как будто созданные из одного первозданного куска слоеного теста, были соединены пунктирным свечением. Я пораженно смотрела в эту голубовато-серую, с блестками, глубь, похожую на океанский прибой, и гулкое откровение — я часть этого вселенского океана! — соленой дрожью пронизывало меня...

...Где я? Кто дал мне это видение? Сквозь дрожь услышала тихую дробь: «Та-та-та Там... Та-та-та Там... Пятая Симфония Бетховена: Так судьба стучится в дверь...

...Прижала ладони к вискам, стучащим, как судьба...

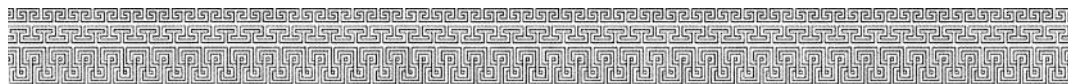
...Музыка прекратилась. И я услышала звенящую, как высокогорный колорадский воздух в легких, тишину в отделе... Все смотрели на меня...

Я вернулась обратно из другого мира, но уже не могла видеть по-прежнему. Теперь я как бы входила в шкуру человека и дышала его дыханием, болела его болью. И не могла ни сфальшивить, ни солгать... Это и радовало меня, и пугало до озноба...

Глаза людские излучали свет вечности... И все были связаны со мной незримыми нитями.

Шарага кончилась... Меня совершенно не заботили проблемы бонуса и вообще денег, долгими ночами я мучилась над разгадкой возможных жизненных поворотов и осторожно, будто держа в руках грудного ребенка, смотрела

в будущее... Я отчетливо видела разные дороги: ту, что можно изменить, хотя бы частично, и ту, что изменить пока невозможно, но и это было временным, оно от чего-то зависело, и это что-то могло разгладить любую злую судьбу, только его надо было найти. И слепить. Я искала... И лепила.. Как пирожки... Своей душой... И глазами моей потерянной бабушки...

**Осторожно
Наклониться,
Чтоб луч солнца
Не погас,
Как Соринку
Из криницы,
Боль
Вычерпывать
Из глаз...**

Это глубинное знание горело у меня под кожей, Оно и было моей кожей... Шагреневой кожей. Я это знала, но уже не могла остановиться... Ничего не бывает на шару! Это было опасно... И бабушка опять помогла мне... Она просто закрыла мое глубинное видение. Оставила лишь немножко...

...Только иногда, во сне приходит ко мне мерцающий прибор, и я просыпаюсь от хмельного глотка счастья...

Часть 9. Устаканилось, но...

...Дальнейшее было полной неожиданностью для меня самой... Джин, после нескольких сеансов то ли гадания, то ли просто радостного переливания тепла, расправившего меня, как после переливания крови, полностью изменилась внешне и внутренне, превратилась в розовощекую и улыбчивую милашку, через полгода вышла замуж за программиста из со-

седнего отдела; вместе с Бобом они терпеливо и настойчиво учили меня программировать, тестировать и писать планы... И научили... Грег похудел, стал активно ухаживать за юной полькой, о которой мечтал долгие годы; каждый день, советуясь со мной, дарил ей цветы и стихи, женился, и у нее, бездетной в предыдущем браке, родился ребенок, красавица-девочка, как я и нагадала... Радостные изменения произошли и с другими сотрудниками... Я осталась в отделе на пять счастливых лет. Работа была нелегкой, старая система часто рвалась, и мы чинили ее ночами... Однако рядом были друзья, в любую минуту готовые помочь и подставить свое плечо... Я работала честно, и все стены в моем кабинете были увешаны грамотами и благодарностями с узорчатыми вензелями... Контракторная компания не могла нарадоваться, что-таки нашла нужного специалиста, и каждый год повышала мне зарплату...

А тот

Счастливый

Бонус

Семье

Повысил

Тонус...

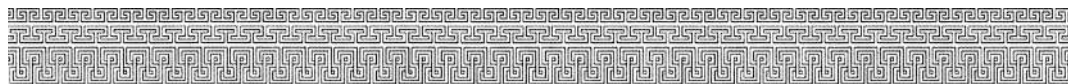
К концу пятого года мы с Борькой перестали бояться выкидыша с работы, ведь оба пашем, хоть один да продержится, в крайнем случае; взяли долг на 30 лет и построили дом окнами на Пайкс Пик, горную гордость Колорадо, и красный каменный Сад Богов, национальное сокровище, где в древности индейцы лечили от всех болезней, а с другой стороны окон-иллюминаторов зеленел гигантский национальный парк.

Утром к нам приходили олени, и мы кормили их с рук хлебом с солью...

Рыжая собака Люська — подарок дочки, — поселившаяся у нас в доме с месячного возраста, гонялась за койотами и лисицами, но оленей уважала. Люська обожала убежать и прятаться, Борька гонялся за ней, как мальчишка, и они вдвоем смеялись, вылезая из ручья. Все говорили, что Люська жутко похожа на мужа, даже больше, чем Маринка.

Мы посадили две елки и наряжали их к Новому году многоцветными гирляндами бус и беспечно светящимися огнями.

Маринка дважды в год приезжала из Москвы, где, героически перебиваясь с дырявящих душу диких разносов на внезапную эйфорию взлетов, училась во МХАТ-е театральному мастерству у Олега Табакова, и Люська встречала ее залиvistым лаем и укусами восторга. Кусала, как родную, от всей собачьей души, хотя потом и вылизывала раны любви — Маринка ходила, вся расцарапанная, но счастливая...

Жизнь устаканилась... Но...

...Настал очередной понедельник. Мы с мужем, как и все в компании МСІ, пришли на работу и попытались пройти через проходную... Не тут-то было! Пропуска не работали... У всех. Более 20 тысяч человек только в нашем городе были выкинуты на улицу мгновенно, без двухнедельного или даже часового предупреждения... Массовое воровство руководства довело МСІ до разорения, и, награвив бабки, компания объявила банкротство...

...Все, как и мы, купили новые дома... Теперь оставляют банкам... Ни найти работу в маленьком курортном городке при тотальной безработице, ни продать дом... И нет моей цыганской доле покоя...

Часть 10. Зигзаги судьбы

...Я лежу под двухэтажной толщей снега... Закопана добросовестно. Как в могиле. Спать страшно: вот так заснешь и не проснешься, но остатками разума, еще связанного с гулкой реальностью, понимаю, что не все еще потеряно... Тихий ужас в сумеречном сознании сменяется слабой попыткой разобраться и выкрутиться...

Укрытая

Снегами,

Я шевелю

Мозгами...

Интересно, где я... В крошечной тьме своего нового нарядного колорадского дома. За который уже нечем платить: как вы уже знаете, мы с мужем одновременно потеряли работу почти сразу же после покупки... Безуспешно пытались продать...

Зловеще завывает ледяной колорадский ветер и метелит в хвост и в гриву скулящий и стонущий всеми щелями дом, закатывая его в гигантский снежный ком, как начинку для пирожка...

Снег выше крыши, и еще метет, не переставая. Я одна в пустом доме, только испуганная Люська скулит радом... Борька, два дня назад уехавший на очередное неудачное интервью в Денвер, услышав штормовое предупреждение, остался у друзей. Теперь не скоро доберется... Я влезаю с головой в одеяло. Ни телевизора, ни книги, ни свечи, даже есть нечего: непривычно молчащий холодильник пуст, а электроплита не пашет... Правда, перед тем как отключилась энергия, президент пообещал прорваться в Колорадо-Спрингс танками и расчистить дороги.

Я лежу и дрожу... От холода, голода, постоянных неудач в поисках работы... Жалко дом: деньги кончились, и скоро надо отдать его банку...

Жалко себя: вот лежу одна, и помощи ждать неоткуда...

Страх сковывает горло... «Господи, спаси», — шепчу истово, стуча зубами от холода...

...В ушах непривычно громко звонят колокола... ..Ах, это телефон... Я зажигаю спичку, чтоб не наткнуться на ящики, и спешу к трубке, спотыкаясь и волоча за собой одеяло...

И опять, полный ликования голос Толика:

«Ленка! Это ты!» — огненной вспышкой разрезает темень квартиры...

«Толик, милый, как ты вовремя!» — кричу я так громко, что дом содрогается...

«Ленка, срочно одолжи деньги, мне нужна оччень крупная сумма!!!»

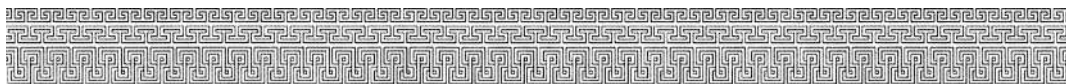
Я чутко ловлю голос надежды: «Толик, говори быстрее телефон родственников, которых нужно найти!»

«У меня есть родня в Калифорнии, Лос-Анджелесе», — радостно отвечает Толик...

Эх, судьба моя цыганская!

И еще один зигзаг...

Часть 11. Опять трясет!

...Грохот падающего буфета, звон разбитой посуды, визг испуганной Люськи, черный шевелящийся провал окна...

...Я лежу, обсыпанная осколками стекла. Прижимаю к себе Люську... Качает порядочно, кружится голова и слабеют руки, но остатками разума, еще связанного с гулкой реальностью, понимаю, что это не сон, а очередной виток судьбы.

...Интересно, где я?

В крошечной тьме нового, заваленного нераспакованными ящиками, раскачивающегося до тошноты таун-хауса в предместье Лос-Анджелеса — Сими Валли, за который уже нечем платить: я потеряла работу почти сразу же после покупки (кажется, 30 лет выплачивать дом не придется: весь отдел сократили, теперь программы пишут в Индии)... Зловеще завывает ветер, со стоном падают деревья за окном, в ушах нарастает дикий вой и скрежет разъяренной земли, что, сатанея, то оголтело взбивает дом в блендере ночи, то разминает скалкой, как тесто для пирожков...

...Землетресение... В черном вибрирующем провале окна — ни глотка света, только крик падающих деревьев... А Борька — в Нью-Йорке, у отца в больнице, ему до меня не добраться.

...Я обнимаю Люську, и мы обе, тихо скуля, влезает под одеяло с головой... Дом качается еще сильнее, хуже морской качки, до рвотной тоски в желудке... Тело сотрясается... Наверно, очень полезно для сосудов — уговариваю я себя, рукой нащупывая припрятанный на крайний случай кусочек шоколадки.

Швыряю

Шоколадку

В рот

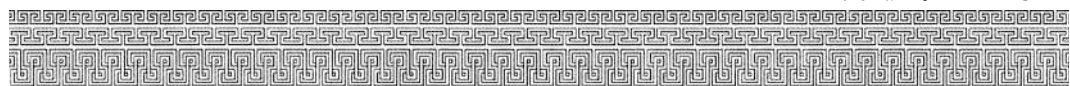
И вновь

Смеюсь,

Когда

Трясет...

...В ушах непривычно громко звонят колокола...

...Ах, это телефон... Я зажигаю спичку, чтоб не наткнуться на ящики, и ползу к трубке, теряя равновесие от качки, спотыкаясь и волоча за собой все то же одеяло...

Полный ликования голос Толика: «Ленка! Это ты! — огненной вспышкой разрезает темень квартиры. — Мне так нужны деньги!»

«Толик, милый, как ты вовремя! — кричу я так, что дом опять содрогается. — Говори быстрее!!!» Сердце вибрирует, как струна виолончели... Глубокий до тошноты, звук стонущей, тоской потрясенной земли... Связь с миром прервалась...

Падаю, теряя сознание, вместе с еще горячим телефоном...

Часть 12. И снова прибой...

Нет, никуда не деться от моей цыганской судьбы! Американские Горки!.. Ныряю в очередной водоворот судьбы, и нет у меня ни квартиры, ни телефона, ни работы... Ладно! Только отдышусь... Найду работу, сниму квартиру, включу телефон... И буду ждать звонка... Звонка судьбы...

Пеной

Рябой,

Звездным росчерком

Вече

Гулкий

Прибой

Бьет в крови

Человечьей

Волны ли,

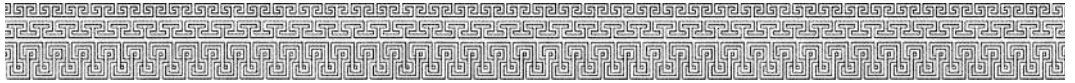
Травы —

Волненье

Едино!

Горше
Отравы —
Спокойствия
Тина!

Самоубийство —
В душных
Квартирах,

И
Полумерах,
И
Полумилых,
Радостях
Тусклых,
Рыхлости
Мускул,

В обезличенном
Безразличии
К зоркости
Мига,
Скорости
Мира,

В жизни,
Тянущейся,
Как
Резина,

От
Магазина
До
Магазина!..

...Пеной
Рябой...
...Вечный
Прибой...

